

Он никогда не считал, что ударить его было чем-то неправильным. Все они мужчины, если слова не сходятся, то почему бы и не подраться? Когда Линь Шисинь бил его, он также никогда не принимал это всерьёз.

Линь Шисинь, напившись воды, немного пришёл в себя и поднял мизинец, указывая в сторону ванной.

Ци Фэйжань, увидев этот жест, был в восторге от его милоты. С улыбкой он взял его мизинец в рот, слегка прикусил и невнятно пробормотал:

— Хочешь помыться? Подождём немного, не торопись.

Он обнял Линь Шисиня, как куклу, и с любовью смотрел на его лицо.

Теперь он совсем не злился. Какие там университеты A или S, к чёрту всё это! Он и так не собирался учиться. Диплом, в конце концов, бесполезен. То, чем он хочет заниматься и что хочет изучать, в университете всё равно не преподают. Если Линь Шисинь согласится поехать с ним во Францию — отлично. Если нет — он просто найдёт место рядом с его университетом и будет жить там. Какая разница?

На бледном личике Линь Шисиня застыло выражение боли. Через некоторое время он открыл глаза и украдкой посмотрел на Ци Фэйжаня. В его взгляде читались стыд и обида, но он всё ещё мягко лежал в его объятиях, совершенно обессиленный.

Ци Фэйжань обожал его такую покорность. Наклонившись, он страстно поцеловал его, кусая губы. Едва утихшее желание снова разгорелось.

Он поднял Линь Шисиня на руки и отнёс в ванную.

Красота Линь Шисиня, промокшего под горячим душем, была видна во всех деталях под ярким светом ванной. Он был похож на цветок, измученный бурей, — растрёпанный и печально прекрасный. Его глаза, покрасневшие от слёз и затуманенные паром, выражали невыразимую грусть. Ци Фэйжань быстро помыл его и, не в силах сдержаться, снова взял его, заставляя смотреть на себя, чувствовать себя, ощущать его эмоции.

В этой равной схватке он, казалось, был на высоте, но на самом деле всегда проигрывал. Сейчас он готов был сломать все крылья Линь Шисиня, лишь бы тот полностью принадлежал ему. Линь Шисинь должен был принять всё, что с ним связано, — и тёмное прошлое, и неопределённое будущее. Он должен был следовать за ним, подчиняясь его воле.

В порыве страсти Линь Шисинь прижался к его плечу, словно что-то прошептал. Ци Фэйжань приложил ухо к его губам, чтобы услышать тихие слова:

— Лучше бы мы никогда не встретились.

Ци Фэйжань закрыл глаза, усмехнулся и вздохнул:

— Сейчас это уже не имеет значения. Мы уже встретились.

Он завернул Линь Шисиня в полотенце, аккуратно положил на кровать, укрыл одеялом и вышел принять душ. Линь Шисинь открыл глаза и посмотрел на стакан воды у изголовья кровати.

Через некоторое время Ци Фэйжань закончил мыться, его волосы были мокрыми. Он встряхнул головой, выглядел довольным и сытым. Его глаза устремились на Линь Шисиня, который съёжился под одеялом, занимая совсем немного места. Он взял стакан с тумбочки и выпил воду залпом. Затем лёг на кровать, обнял Линь Шисиня, прижал к себе, как игрушку, и крепко уснул.

Свадебная ночь, момент славы — это прекрасное время, хотя Линь Шисинь всё испортил, но конец был хорош. Теперь он чувствовал себя полностью удовлетворённым.

Храп раздался в комнате. Линь Шисинь с трудом выбрался из объятий Ци Фэйжаня, подполз к краю кровати, вытащил из ящика телефон и набрал номер Чэнь Миншэна.

Его горло болело так сильно, что он едва мог говорить. Сказав «Алло», он понял, что голоса нет. Чэнь Миншэн, услышав это, сразу же положил трубку, вызвал людей и поехал на виллу Кан.

Чэнь Миншэн вошёл в дом и увидел полный беспорядок. Он всё понял. Взглянув на Линь Шисиня, который сидел, согнувшись у кровати, он спросил:

— Ты... в порядке?

— Всё нормально. Я надел на него куртку. Ему не будет холодно?

Линь Шисинь, лёжа рядом с Ци Фэйжанем, потрогал его одежду.

— Нет, у него там есть место для проживания, одежда и всё необходимое.

Чэнь Миншэн отвел взгляд от шеи Линь Шисиня, которая была покрыта синяками и царапинами. Это было слишком тяжело смотреть.

Линь Шисинь беспокойно спросил:

— А если он проснётся по пути? Его... побьют?

Чэнь Миншэн закатил глаза:

— Ци Ляньхуай — его родной отец, как он может его бить? Хорошо, если сам не получит. Я приготовил лекарство, перед вылетом дам ему ещё раз.

— ...А если он примет слишком много лекарства, это не опасно?

— Нет, я проверял. Он просто проспит пару дней, будет слабым.

Линь Шисинь не знал, что сказать. Он сомневающе смотрел на Ци Фэйжаня, думая: «Это прощание?»

Чэнь Миншэн, видя его печаль и нерешительность, спросил:

— Есть ещё что-то, что ты хочешь ему передать?

Линь Шисинь попросил Чэнь Миншэна достать из гардероба в гостевой комнате чемодан и сумку:

— В чемодане лежит несколько комплектов одежды, документы, водительские права, ноутбук и

копии уведомлений. Положи их туда, он может их порвать. Паспорт и оригиналы документов в сумке снаружи, не показывай ему. Там также есть флешка. Через три дня, если он... всё ещё будет буйствовать, покажи ему.

Линь Шисинь хотел положить в чемодан закладку-бабочку, которую подарил Ци Фэйжаню. Это был его единственный подарок ему. Но потом он подумал: раз уж всё кончено, то нужно порвать все связи. Зачем оставлять закладку, чтобы он вспоминал? Он поднял телефон Ци Фэйжана, который тот бросил на пол. Экран был разбит, а на заставке была фотография, где он сам, обняв Хуаньхуань, улыбался.

Он посмотрел на неё и сказал:

— Его телефон тоже не бери. Экран разбит.

Чэнь Миншэн с сочувствием сказал:

— У нас ещё есть время. Может, я выйду, а ты позовёшь меня позже.

— Не нужно. Всё, что я хотел сказать, я уже сказал. Когда он проснётся и спросит обо мне, ты обязательно передашь ему те слова, которые я тебе сказал, понял?

— Понял. Я сообщу тебе, как всё будет. Твой новый номер телефона я уже записал.

Чэнь Миншэн, закончив говорить, поднял Ци Фэйжана, опёр его на себя и медленно пошёл к выходу. У двери он обернулся и сказал Линь Шисиню:

— Ты... возможно, у тебя температура. Позови кого-нибудь, чтобы позаботился о тебе.

Линь Шисинь кивнул, наблюдая, как Чэнь Миншэн, поддерживая Ци Фэйжана, медленно исчезает из его поля зрения.

Он застыл на месте, внезапно почувствовав тревогу. Он встал и побежал к балкону, но споткнулся и упал на пол. С трудом поднявшись, он подошёл к балкону и посмотрел вниз. Внизу он увидел машину, из которой вышли несколько мужчин в чёрном и управляющий Лао Юй. Они помогли Чэнь Миншэну усадить Ци Фэйжана на заднее сиденье, закрыли дверь, и машина уехала.

Ворота были открыты, деревья по бокам стояли неподвижно, листья будто замерли.

Небо начинало светлеть, было уже больше четырёх утра. Линь Шисинь не знал, сколько времени он провёл, глядя вниз, прежде чем очнулся. Тепло от объятий, казалось, ещё не остыло, а то, что осталось внутри него, ещё не было очищено. Но тот человек действительно ушёл.

Он медленно, словно в оцепенении, вернулся в спальню. У кровати лежала бутылка, которая так и не была использована по назначению. Он наклонился, поднял её и посмотрел на этикетку: «Аромат “Тёмная лилия”». Ему захотелось смеяться. Механически закрутив крышку, он открыл ящик справа от кровати, чтобы положить её туда, и увидел красный нотариальный документ и коробочку из тёмно-синего бархата.

Дрожащими руками он достал документ. Это было соглашение о дарении недвижимости, в котором говорилось, что по достижении Линь Шисинем 18 лет вилла Кан автоматически перейдёт в его собственность.

Он открыл синюю коробочку. Внутри лежало мужское кольцо с бриллиантом, который удерживали две изящно сделанные бабочки. Узор на их крыльях был точно таким же, как на закладке, которую он нарисовал.

Линь Шисинь надел кольцо на безымянный палец. Оно идеально подошло.

— Ци Фэйжань...

Громкий, пронзительный крик разнёсся по пустой вилле Кан.

Он проспал до полудня следующего дня. Солнечный свет заливал простыни, когда Линь Шисиня разбудил стук в дверь. Он, прихрамывая, открыл её, и несколько мужчин в костюмах вошли внутрь, неся с собой музыкальные инструменты, цветы и термоконтейнеры. Они расставили на столе обильный обед.

Изящные серебряные сосуды с ажурной резьбой были наполнены различными морепродуктами. Под суповой чашей зажгли огонь, и вскоре аромат супа из кукурузы, бамбуковых грибов и свиных костей наполнил комнату. Белый рис в круглой чаше был горячим, голубиное мясо с хрустящей корочкой и нежной мякотью, французские креветки с лимоном и ванилью, рыба в клеточку, ветчина Бельма, запечённое филе трески и ещё десяток блюд были аккуратно разложены на тарелках. Большой букет белых лилий, покрытых каплями воды, был помещён в стеклянную вазу.

<http://bllate.org/book/17671/1647184>